

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

10.00.00 Филологические науки

Philological sciences

ИРОНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В «ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ» А. ВАМПИЛОВА

IRONIC DISCOURSE IN "NOTEBOOKS" BY A. VAMPILOV

Юрченко Ольга Олеговна
к.филол.н., доц.
hilevi@mail.ru

Yurchenko Olga Olegovna
Cand.Philol.Sci., associate professor
hilevi@mail.ru

Пелихова Алена Анатольевна
к.филол.н.
alenapeli@mail.ru

Pelihova Alena Anatolevna
Cand.Philol.Sci.
alenapeli@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

FSBEE HE Buryat State University, Ulan-Ude, The Republic of Buryatia, Russia

Статья посвящена анализу мировоззренческой функции иронии в «Записных книжках» А. Вампилова - одного из самых ярких драматургов ХХ века. Исследование характера иронии в записных книжках Вампилова выявляет закономерности использования иронического дискурса, которые проявляются в ироническом освещении серьезных бытовых, моральных, творчески-профессиональных проблем, что воспринимается сегодня как интеллектуально-нравственный импульс, особое настроение, позволяющее выжить, как самозащита личности от давления действительности. Ирония в «Записных книжках» Вампилова порождена стремлением уйти от стереотипов сознания, отживших догм. Ирония «снимает» извечные оппозиции «новое-старое», «временное-вечное», «субъективное-объективное», «искусство-жизнь». Ироническая игра со словами-терминами, выражениями-клише, обозначающими скомпрометированные политические и идеологические явления, с концептом-знаком *имя*; ироническое осмысление образа-лейтмотива *луна* в творчестве А. Вампилова отвечают основному – ироническому - пафосу записных книжек. Анализ иронии в записных книжках Вампилова позволяет трактовать ее не только как следствие болезненной антиномичности, личной душевной противоречивости, свойственной художнику этого времени, но и проследить одну из важнейших функций иронии как способа мировидения: спасительную возможность преодоления тупиковости кризисного времени и выход творческой личности к искомой целостности

The article analyzes "Notebooks" by one of the most prominent playwrights of the 20th century Aleksandr Vampilov. "Notebooks" are considered as an example of ironic discourse in this genre. The study of irony nature in Vampilov's "Notebooks" reveals the patterns of ironic discourse, which manifest themselves in the ironic light of serious domestic, moral, and professional problems. We perceive it today as intellectual and moral impetus, a special mood allowing us to survive, as self-protection of the individual from the pressure of reality. The irony in Vampilov's "Notebooks" is achieved by the desire of getting away from the stereotypes of consciousness, obsolete dogmas. The irony "disallows" the eternal oppositions "new—old", "temporary—eternal", "subjective—objective", "art—life". The ironic game with terms, cliché expressions, denoting compromised political and ideological phenomena, with the concept of *a name*; the ironic interpretation of *moon* image as a leitmotif in Vampilov's work reflect dominant ironic pathos of notebooks. The analysis of "Notebooks" by A. Vampilov allows us to understand the irony not only as a consequence of painful antinomycity, personal spiritual contradictions inherent to the artist of that time, but as a way of world vision: the ability to overcome the deadlock of crisis period, and aspiration of the creative personality to the desired integrity

Ключевые слова: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР А. ВАМПИЛОВА, ИРОНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС, ИРОНИЧЕСКОЕ МИРОВИДЕНИЕ, ЖАНР ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Keywords: ART WORLD OF A. VAMPILOV, IRONIC DISCOURSE, IRONIC VISION OF THE WORLD, GENRE OF NOTEBOOKS

Doi: 10.21515/1990-4665-123-092

Театр Александра Вампилова – заметное явление в истории русской культуры. В нем сочетаются бытовая и психологическая достоверность с притчевым началом, романтическая жажда идеала с постмодернистской иронией. Как и всякое большое явление, театр Вампилова вышел за рамки исторического времени. Интерес к творческому наследию Вампилова не угасает по сей день.

Ирония – это особенность поэтики Вампилова, на которой чувствуется отсвет личности самого писателя. По свидетельству друзей и близких, А. Вампилов он обладал великолепным чувством юмора и самоиронии. Еще Аристотель говорил, что ирония свойственна лишь тому, кто обладает одной из самых главных добродетелей, а именно величию души, что ирония всегда связана со свободной и благородной личностью человека. Таким был великий драматург XX столетия Александр Валентинович Вампилов.

Время творческой активности драматурга пришлось на период 60-х годов, когда создались условия для использования функций иронии: парадоксальное переосмысление стереотипов всех уровней (нравственных, литературных), иронический отказ от принятых стандартов. Ирония по своей специфике многофункциональна: она может быть частным стилевым приемом, обычным изобразительно-выразительным средством, заключающемся в употреблении слова в значении, обратном буквальному; она же может стать выражением и целого миропонимания человека, который осознал релятивность истины, претендующей быть абсолютной. Иронией пронизаны все произведения А. Вампилова: и пьесы, и рассказы, и очерки, и «Записные книжки».

Изучение «Записных книжек» позволяет рассмотреть творческое наследие Александра Вампилова в неожиданном ракурсе, т.к. мы

«слышим» его собственный голос, его высказывания от первого лица, обращаемся непосредственно к его мыслям и чувствам, не вложенным в уста повествователя или персонажей его очерков, рассказов и пьес.

Опубликованные впервые в 1987 г. на страницах газеты «Советская молодежь» г. Иркутска «Записные книжки» в полном объеме вышли отдельным изданием в 1997 г. В предисловии к ним В. Жемчужников, друг Вампилова, дает характеристику, в которой как нельзя лучше передаются содержание записок и целостное впечатление от их чтения: «...и в записных книжках Александра Вампилова самое интересное - пронизанные иронией фразы и реплики, остроумные диалоги, озорные парадоксы, искрометные афоризмы. Здесь не найдется, пожалуй, ни единой странички, которая не подарила бы вам улыбку...» [1, с. 3-4].

Представляя собой услышанные остроумные или просто смешные фразы, обрывки разговоров, при записи обретшие афористическую форму, суждения автора о разных сторонах жизни, наброски сюжетов будущих рассказов и пьес и т.д., «Записные книжки» дают представление о том «магическом кристалле», через который преломлялись все впечатления бытия художника.

«Записывать и хранить записи - очень полезная привычка», - считал сам Вампилов [2]. Для исследователя эта «полезная привычка» автора дает уникальную возможность уловить тональность общего настроения, общей интонации художника, и более того – лежащее в их основе общее для эпохи 60-х – начала 70-х гг. мировосприятие, состояние общественного сознания в целом.

Возможность данного жанра в репрезентации исторической эпохи может быть подтверждена мыслью культурологов о начинающемся в 60-70 гг. разделении культуры на официальную и неофициальную. Записки или цитаты из записных книжек Вампилова дают представление о культуре этой эпохи, дополняют художественные тексты и создают вместе с ними

вполне определенный «концепт» культуры.

Такой «концепт» в конце 60-х гг., выражающий смысловую ось всей эпохи, был определен как «текст 1968-го г.» [3, с.9], и имел явно ироническую окраску, ироническую тональность, Художественный «иронический текст» начал описываться критикой сразу же по мере его появления в печати. Так, В. Кожин в статье, опубликованной в «Дне поэзии 1969», анализируя ироничные и самокритичные стихи поэтов, составивших в будущем андерграундное крыло русской поэзии, неодобрительно расценивал их как «некое веяние времени, которое нуждается в объяснении» [4, с. 6]. А «записки» и «записные книжки» в это время еще только писались, заготовки «делались», наблюдения складывались их создателями, как в копилку, в эту жанровую форму, существенно отличающуюся от мемуарной или документальной литературы. Главное, что объединяет их - это ироническое умонастроение, растворенное в ироническом стиле и языке.

В первую очередь, отметим ироническую игру с обозначавшими политические или идеологические явления словами-терминами, выражениями-клише, которые давно набили оскомину, а в «записных книжках» используются в новом – свободном – дискурсе. Так, в случайно услышанных фразах: «Приходите и вы, хмурые люди из комитета комсомола» [1, с.26] Вампиловым замечен очень важный переходный момент в жизни своих соотечественников. А вот уже столкновение уходящего «века» и «века» наступающего запечатлено в следующих придуманных им комически эффектных фразах: «Из толпы раздался анонимный голос» или «Считают деньги. Прислушайтесь: этим занят весь мир. Грохот монет на земле» [1, с.12, 81].

Во-вторых, многое в записных книжках Вампилова связано с темой выпивки - центральной метафорой 60-70-х гг., которая помогает, смеясь, расстаться с прошлым. Вот яркий пример иронической усмешки над

былыми «святынями» и «мифологемами»: «На Занзибаре произошла революция. По-моему, следует выпить» [1, с.61].

В-третьих, в одной лаконичной записи художник может так соединить парадоксально противоположные обозначения из обиходного быта и бытийного, экзистенциального «пространства», что подобная ирония уравнивает мелкое, временное и масштабное, вечное: «Звезды падают: «Дадут квартиру или не дадут?»» [1, с.57].

Часто можно встретить волнующую художника гуманистическую мысль и поразиться ее глубоко индивидуальному оформлению, например: «Ученый (кретин). В его руках жизнь планеты. Может взорвать атмосферу. Отсюда - абсурд: вся философия, культура и т.д. зависят от состояния... одного человека» [1, с.6].

Знаковым словом для «текста 1968-го года» является слово «раб», которое отсылает к Чехову как «духовному отцу» авторов этого «текста». В нем выражена главная мета времени - утверждение всего, что связано с личностным, индивидуальным. «Газетчики - рабы тенденции», «Она - раб красоты» [1, с.43, 87].

Невозможно не заметить игровую увлеченность Вампилова таким концептом-знаком, как «имя». Ирония при этом связана с чуткостью писателя к «ономастикону» своего времени. У Вампилова эта способность развивается в связи с нацеленностью на будущее, как стремление создать заготовку-«сюжетец»: «Гонорарьев - мастер короткого газетного жанра», например [1, с.18].

Следует обратить внимание на то, как А. Вампилов «Записных книжках» выражает свое отношение к ученым-литературоведам, которое носит иронически-неодобрительный характер. Например: «Сколько бы ни старались литературоведы, они никогда не сделают Чехова сухим и скучным писателем» [1, с.70]. Категоричность этого суждения Вампилова снимается благодаря самой интонации, за которой - близость писателю-

классику, прозаику и драматургу, не только «жанровая», но и «гуманистическая», поскольку творчество Чехова оказалось особенно востребованным в эти годы и необходимым для формирования в общественном сознании нового взгляда на человека. В лаконичных записях Вампилова о «стараниях» литературоведов явственно звучит глубоко личный подтекст, помогающий выявлению не только обобщения [любой большой писатель требует «несухого», «нескучного» подхода], но и совершенно особого отношения к Чехову, писателю, близкому людям 1960-1970-х гг. ощущением трагизма обыденной, провинциальной по своему духу жизни. В эти годы большой ученый-литературовед А.П. Скафтымов, как бы раскрывая собственные мысли и чувства, подспудно скрытые до поры до времени, формулировал подлинную драму чеховских героев следующим образом: «Под видимостью ровной и мирной жизни кроется постоянная тоска и боль неудовлетворенных и лучших желаний» [5, с.435]. Именно эта особенность составит внутренний нерв вампиловской прозы и драматургии.

В приведенной далее еще одной записи Вампилова неудовлетворенность профессиональными занятиями ученого-специалиста в области науки о литературе носит вполне социокультурный характер: «С точки зрения всяких мрачных философов, человек сам по себе не особенно художественное произведение... - Вот - пушкинисты, гоголеведы - этот народ себя не уважает (и лишен всяких способностей творить). Как можно зачеркнуть себя вовсе и посвятить себя навсегда кому-то [хотя бы и художнику великому и любимейшему]? Не понимаю. Если ты натура творческая - так напиши свою, хотя и плохую комедию» [1, с.25]. В толковании субъективно однозначного мнения автора этих строк следует учитывать особенности культурного контекста времени: в своем противодействии официальной идеологии общественное сознание в эти годы испытывало жгучий интерес к проявлениям индивидуализма,

поискам своего «я», своей воли, личной свободы. Творчество ведущих художников 60-70-х гг., в том числе Вампилова, как раз воспроизводило ситуацию испытания человека индивидуалистическим опытом: писатели видели спасение для своего современника в творчестве, творческом отношении к жизни, в свободе, самостоятельности личного выбора, самопознании и ответственности. Один из таких современников писателей позднее сформулировал духовно-гуманистическую суть времени так: «На заре 60-х начинала просыпаться личность. Вообще личность, просто «я», выходило из сталинского наркоза. Свое «я» каждый из нас начинал выдирать из монолита Державы, кто как умел; мы учились думать... критически» [6, с.201].

Иронический характер освещения автором «Записных книжек» серьезных бытовых, моральных, творчески-профессиональных проблем необходимо воспринимать сегодня как интеллектуально-нравственный импульс, особое настроение, позволяющие сохранить целостность своей личности в трудные времена, как самозащиту личности от давящих обстоятельств действительности. «Юмор - это убежище, в которое прячутся умные люди от мрачности и грязи» [1, с.25]; «Я привык грустное выдавать за смешное. У меня такая жизнь» [1, с.31].

Производя анализ записок Вампилова, обнаруживаем важнейшие характерные признаки общественного сознания, которое переживает все тяготы процесса медленного внутреннего пересмотра господствующих до недавней поры социальных идей и иллюзий: это скепсис, рефлексия и ирония. В них можно усмотреть демонстрацию тотального разрыва с действительностью, тотального двоемыслия, внутреннего расщепления личности и, наконец, внутренний разлад человека с самим собой. В предельно откровенной и горькой записи, сделанной Вампиловым от лица неконкретизированного множества, скрываются признаки индивидуального сомнения, личной муки: «Веселье, радость и тоска.

Кому это обязательно? Нам? Только нам. А ведь веселья ровно столько, что и тоски, и то, что весело, в равной степени и грустно. И, может быть, правы те, кто живет, не разбирая ни радости, ни тоски - просто, прямо, глупо (делают, что надо). Может быть, они мудрецы! А мы - просто психи» [1, с.104]. В этой двойственности видим иронию как мироощущение, поскольку ирония - всегда сомнение в общеизвестном, тривиальном, стереотипном.

В последней записи находим переключку с образом, выступающим как образ-лейтмотив в «Записных книжках» Вампилова, романтическим по своей сути, - это образ луны. Это образ-метаформа, который является неизменным и в его ранних рассказах («Конец романа», «Солнце в аистовом гнезде» и др.). В записных книжках он носит антиномичный характер. С одной стороны, образ луны видим опошленным, приземленным, нарочито грубым: «Луна теперь обыкновенный уличный фонарь. Луну можно выиграть по лотерейному билету... На нее нельзя больше вздыхать, нельзя ею любоваться. Ничего в ней больше нет прекрасного, таинственного», «Луна многолика, похожая вдруг на бесстыдную девку, над городом, похожая на уличного приставалу, наглая, самодовольная», «На луне скоро откроют кабаки и развешат сушить портянки», «Луна, засыпав дорогу золотыми брызгами, плюхнулась в грязную, темную лужу», «Луна разменялась на сто мелких монет» [1, с.8, 53, 54, 75, 78, 82]. С другой стороны, образ луны еще не потерял романтического ореола, передает надежду на присутствие веры в лучшее в человеке: «Сказки, рассказанные нам в детстве, забываются. Приходит время, когда остается лишь одна сказка - лунная ночь», «На днях редактор одной из городских газет, открыв утром свой кабинет и усевшись в кресло, обнаружил на своем столе голубой пакет с желтой печатью. Редактор хмыкнул, повертел пакет в руках и, не найдя на нем никаких надписей, с неудовольствием подумал: «Какая-то просьба». Но, распечатав пакет, он

прочитал следующее: «Луна в радужном венчике» [1, с.103, 11]. Анализ образа луны в творчестве А. Вампилова подтверждает ее двойственный характер, что соответствует основному - ироническому - пафосу записных книжек.

Отражение печального опыта «борьбы» Вампилова с литературными редакторами проявляется в откровенном до горечи афоризме: «Два искусства - писать и печатать» [1, с.57]. В одном из двух этих «искусств» нет настоящего творчества. Характеризуя актерское искусство, Вампилов иронично сталкивает несовместимые понятия: «Чувствовать себя совершенно свободно на сцене артисту позволяет только вдохновение или цинизм» [1, с.74].

В записных книжках часто проявляется искусство выражать свои мысли с помощью эзопова языка, искусство создавать иронический подтекст. Например, Вампилов, ставя в один ряд три незаурядных события в своей творческой судьбе, называет их вполне обыденно: «Три происшествия. Видел «8 1/2» Феллини, меня приняли в Союз писателей, Синявскому и Даниелю дали соответственно 7 и 5 лет» [1, с.87]. Автор рассматривает в общем контексте разнохарактерные и разнонаправленные события, но при этом с помощью иронии уравнивает их. Это возможно из-за собственной четкой системы ценностей, где полузапрещенный кинофильм, официальное присоединение к сонму пишущих и страшная кара государства по отношению к свободным художникам-бунтарям - части одного единого целого, единого внутреннего мира, требующего единого - иронического - мироощущения.

Как видим, высказывания о творчестве, роли художника, об искусстве в жанре записных книжек представлены очень широко и пронизаны горькой иронической интонацией. Писатель серьезно и одновременно парадоксально и иронично выражают свои исходные принципы в творчестве. Таково заявление Вампилова об излюбленных

героях, с которыми может случиться что угодно: «Я люблю людей, с которыми все может случиться» [1, с.105], или убеждение, что «с человеком, который в молодости грешил стихами, все может случиться» [1, с.33].

Часто Вампилов свои размышления о творчестве посвящает начинающим авторам, молодым писателям, и даже сравнения часто создает, опираясь на этот образ-тему, окрашивая его изрядной долей иронии: «Назойлив, как начинающий автор» [1, с.21], «Муха назойливая, как начинающий автор» [1, с.64] Есть и крайне противоположные строки, которые пронизаны изрядной долей сочувствия и симпатии к молодым писателям: «Трудно мальчикам, которые пишут сейчас свои первые рассказы» [1, с.56]; «Вдохновение бывает только у молодых», «Молодость - сплошное вдохновение» [1, с.32].

Детальный анализ жанра записных книжек Вампилова как частного примера или отдельного феномена, репрезентирующего содержание культурной эпохи, приводит нас, таким образом, к выводу об их общекультурной ценности. Ирония - не только следствие тупиковости наступающих времен, своего рода манифест «безвременья» (говоря поэтическим языком И. Бродского в стихотворении «Конец прекрасной эпохи», помеченном декабрем 1969 г., «Зоркость этих времен - это зоркость к вещам тупика») или попытка воспроизведения болезненной антиномичности, личной душевной противоречивости, так свойственных художнику этого времени, с неизбежностью отразившему духовное состояние общества. За этой социальной функцией можно увидеть и общекультурную роль иронии: имеющиеся антиномии стремятся к целостности и, в конечном счете, к поиску механизма самосохранения культуры, а не к разрушительному взрыву. В этой связи можно вспомнить работу Ю.М. Лотмана «Культура и взрыв» с ее выводом о бинарной структуре русской культуры или высказывание Г.Д. Гачева о характере

русской общественной жизни, которая часто являла собой картину «несоединяемых полярностей, между которыми нет последовательной цепи переходных ступеней, а - зияние» [7, с. 259]. Возможность примирения, уравнивания крайностей, динамического равновесия несовместимых оппозиций есть, на наш взгляд, одна из важнейших функций иронии как способа мировидения.

Можно привести полуироническое-полусерьезное замечание Вампилова: «Людей без мировоззрения надо сажать в тюрьму» [1, с. 95]. В этой записи - частный случай иронии как стремления к конструктивной целостности. Эта проблема была сформулирована в свое время Ф. Шлегелем, который писал: «Существуют древние и новые произведения поэзии, во всем своем существе проникнутые духом иронии... Внутри них царит настроение, которое с высоты оглядывает все вещи, бесконечно возвышаясь над всем обусловленным, включая сюда и собственное свое искусство, и добродетель, и гениальность». И хотя ирония, по словам Ф. Шлегеля, «вызывает в нас чувство неразрешимого противоречия» [8, с. 253, 252] и тем самым разлагает всякую серьезную завершенность, в искусстве она, возведенная в принцип творчества, неизбежно оказывается «особым родом эстетического завершения» [9, с. 188], а также спасительной возможностью преодоления тупиковости кризисного времени и выхода к искомой и чаемой целостности. «Записные книжки» А. Вампилова - прекрасное свидетельство данной функции иронии как способа мировидения.

Литература

1. Вампилов А. Записные книжки / А. Вампилов. - Иркутск, 1997.
2. Зоркин В. Не уйти от памяти // Говорит и показывает Иркутск / В. Зоркин. Иркутск, 1997. - № 33.
3. Россия/Russia. - Вып. 1 [9]: Семидесятые как предмет истории русской культуры. - М., Венеция, 1998.
4. День поэзии - 1969. - М., 1969.
5. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и

исследования о русских классиках / А.П. Скафтымов. - М., 1972.

6. Уварова-Даниэль И. То ли был, то ли небыль... // Новое лит. Обозрение / И. Уварова-Даниэль. М., 1997. - № 25.

7. Гачев Г.Д. Развитие образного сознания в литературе // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении: Образ, метод, характер / Г.Д. Гачев. - М., 1962.

8. История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли. – Т. 3. - М., 1967.

9. Тюпа В.И. Категория иронии в анализе поэмы А. Блока «Соловьинный сад» // Принципы анализа литературного произведения / В.И. Тюпа. - М., 1984.

References

1. Vampilov A. Zapisnye knizhki / A. Vampilov. - Irkutsk, 1997.

2. Zorkin V. Ne ujti ot pamjati // Govorit i pokazyvaet Irkutsk / V. Zorkin. Irkutsk, 1997. - № 33.

3. Rossija/Russia. - Vyp. 1 [9]: Semidesjatyje kak predmet istorii russkoj kul'tury. – М., Venecija, 1998.

4. Den' poezii - 1969. - М., 1969.

5. Skaftymov A.P. Nravstvennye iskanija russkih pisatelej: Stat'i i issledovanija o russkih klassikah / A.P. Skaftymov. - М., 1972.

6. Uvarova-Daniel' I. To li byl', to li ne byl'... // Novoe lit. Obozrenie / I. Uvarova-Daniel'. М., 1997. - № 25.

7. Gachev G.D. Razvitie obraznogo soznanija v literature // Teorija literatury: Osnovnye problemy v istoricheskom osveshhenii: Obraz, metod, harakter / G.D. Gachev. - М., 1962.

8. Istorija jestetiki: Pamjatniki mirovoj jesteticheskoj mysli. – Т. 3. - М., 1967.

9. Tjupa V.I. Kategorija ironii v analize pojemy A. Bloka «Solov'inyj sad» // Principy analiza literaturnogo proizvedenija. - М., 1984.